

Под тенью Чжаояна бродят злые духи

У кровати стоял таз с чистой водой.

«Он» смачивал в нём шёлковую ткань и, взяв руку Се Хунъи, принялся протирать её от запястья до самых кончиков пальцев.

Эта рука всегда была холодной и бледной. Сейчас, после тщетных попыток вырваться из кошмара, даже костяшки пальцев налились болезненным багрянцем.

«Он» некоторое время играл с рукой сквозь тонкую ткань, и вдруг его голос стал весёлым:

— Маленький принц, знаешь ли ты, когда я впервые увидел эту руку, ты угостил меня пирожным «Простое облако». Хорошая вещь, такая сладкая, что в горле будто шерсть выросла. У меня кишки, как у животного, а ты меня этим кормишь? Уже тогда я подумал, что однажды втопчу эту руку в грязь.

Сладость пирожного, казалось, до сих пор стояла у него в горле.

С этой сладкой злобой «он» отжал ткань и принялся протирать лицо Се Хунъи.

Никто не мог устоять перед этим лицом.

Когда хозяин спал, злая радуга на его лице угасала, и его невероятно прекрасные, холодные, даже пугающие черты становились спокойными.

Ткань коснулась кожи, и ресницы Се Хунъи дрогнули, словно рябь на весенней воде. Его губы шевельнулись.

«Он» инстинктивно наклонился, пытаясь расслышать шёпот из кошмара, но, услышав имя, с силой зажал Се Хунъи рот и нос. Словно, протирая драгоценный нефрит, он вдруг исполнился ярости и захотел раздавить его прямо на ложе.

— Так это он пришёл раньше и позволил тебе сбежать. А ведь именно он должен был умереть первым!

— прошипел «он». Бесцветные, пустые глаза Е Шуанчоу вдруг начали бешено дёргаться, и две крошечные чёрные точки едва не выползли из глазниц.

Внезапно его шею обхватила невидимая рука.

Се Хунъи полусидел на кровати. Его чёрные волосы, словно тяжёлый шёлк, водопадом ниспадали на плечи и спину, а затем от невидимой силы взметнулись во все стороны.

— Вон!

Тень вырвалась наружу и устремилась к лицу Е Шуанчоу. Полог, разделявший их, в мгновение ока обратился в дым.

Не хочешь показываться — умрём вместе!

Тот, кто вселился в тело, очевидно, хорошо знал его характер. Он громко рассмеялся и, превратившись в облако чёрного тумана, выскользнул из тела Е Шуанчоу.

В тумане смутно угадывались очертания глиняной куклы. Таких марионеток было нелегко создать. Даже если не удастся поймать основное тело, уничтожение аватара — уже неплохо.

— Принц позволил женщине приблизиться к своему ложу. Не боишься убить её в кошмаре? — хихикнула кукла. — К счастью, я захотел тебя увидеть.

— Жаль, — произнёс Се Хунъи.

— Да, жаль. Знал бы я, что принц так ценит нежный пол, я бы подольше задержался в её теле. Давненько я не был так близок с принцем.

Се Хунъи не обратил на это внимания. Он лишь слегка повернул запястье, и Е Шуанчоу мягко опустилась на пол. Все тени в спальне, по мановению его пальцев, медленно потекли, словно струны циня.

— Принц ещё помнит, кто я? В Дворце Небесного Огня и Вечной Весны было столько гостей...

— Твоя тень — самая отвратительная, — равнодушно ответил Се Хунъи.

Если бы он разгневался, это было бы одно. Но в его голосе не было и тени волнения, словно кошмар прошёл для него даром.

Кукла тут же присела на корточки, изображая обиду.

— Неужели принц не видел меня во сне? Почему ты так предвзято ко мне относишься? Когда-то, ради нескольких твоих сладких слов, я пробрался за тысячу ли в Небесную обитель Суи и

достал для тебя технику Переплавки Тени. Чуть не погиб там... Принц, принц... Хуньи...

Брови Се Хуньи наконец слегка дрогнули, и в его глазах промелькнул холод. Кукла, словно злой дух, наевшийся благовоний, затрепетала от возбуждения в его гневе.

Её голос стал ещё нежнее:

— Это ведь твоё даосское имя, да? В ледяных подземельях Небесной обители Суи холодно, но я видел комнату, где ты жил в юности. Твоя неугасимая лампада всё ещё стоит на алтаре, её охраняют два замёрзших насмерть послушника. Почему же ты докатился до такого...

Если бы она не была на другом конце спальни, она бы схватила Се Хуньи за руку, чтобы он услышал, как радостно колотится её глиняное сердце.

Но на словах она произнесла:

— Теперь я — самый близкий тебе человек.

Се Хуньи помолчал мгновение, а затем коротко усмехнулся.

Он редко так смеялся. Зеркало, в котором он всегда видел лишь своё отражение, вдруг повернулось к другим, и его внезапное сияние было по-своему притягательным.

— О? И чем же ты отличаешься от них?

— Конечно, отличаюсь! — громко рассмеялась кукла. — Они — тигры и волки, а я искренне готов быть твоей собакой.

С этими словами она раскинула руки и подбросила в воздух несколько кроваво-красных агатовых бусин.

В нос ударил отвратительный запах крови. Если прислушаться, можно было различить слабые крики, доносящиеся из бусин. Внутри них корчились в муках крошечные человеческие фигурки. Это были Жемчужины переплавки души!

Кукла, словно хвастаясь сокровищем, перекачивала бусины с пальцев на тыльную сторону ладони. Они звенели, и вопли внутри них сливались в адскую какофонию.

— Нравится? — нежно спросила кукла. — Это все, кто прикасался к принцу.

Тень змеёй метнулась к жемчужинам, скользя между ними под аккомпанемент криков.

— Действительно, были обладателями духовного корня огня, — произнёс Се Хунъи.

Остатки душ обладателей огненного корня, естественно, удостоивались особого внимания от Сюэлянь. Попав в Жемчужину переплавки души, их ждала, как минимум, казнь в котле — они видели, как их кости дробят и бросают в огромный котёл, созданный из их собственных грехов, и не могли даже умереть.

— Тут не поспоришь. О, некоторые души были настолько жалкими, что давно рассыпались в прах. Но есть и такие, что, даже на последнем издыхании, всё ещё видят свои грязные эротические сны.

— Мало, — вдруг сказал Се Хунъи.

— Слишком сильные, я не смог их убить, устал, принц! — с большим разочарованием прохныкала кукла, садясь на пол.

Не успела она договорить, как, что-то почувствовав, подпрыгнула, словно обезьяна, и, цепляясь руками за занавес, полетела к Се Хунъи.

И не зря она так поспешила. Столик, на котором она сидела мгновение назад, был стёрт с лица земли невидимой силой, не оставив и пылинки.

Но тень была быстрее. В спальне убийственная аура сгустилась, занавеси извивались, как драконы и змеи, и в следующее мгновение раздался звонкий треск лопнувшей глиняной куклы.

Техника Переплавки Тени в ближнем бою была смертоносной, не говоря уже о замкнутом пространстве спальни!

Несколько Жемчужин переплавки души со звоном покатались к Се Хунъи.

Всего семь. Некоторые пустые, некоторые полные.

В момент соприкосновения все они взорвались кровавым туманом. Его одежда слегка окрасилась, и иллюзорное тепло проникло в тело. Это всё ещё было больно. Но Се Хунъи, стоя посреди этого, с развевающимися волосами и лёгким румянцем на щеках, был подобен змеепиону, выплывшей из снега.

— Не войдёшь? — спросил Се Хунъи. — Одна ещё пуста.

Занавес колыхался. Кукла, тяжело раненная, хрипло дышала, обиженно бормоча:

— Больно! Я пришёл не для того, чтобы оскорбить принца, а чтобы попросить награду. Эти хоть и ничтожества, но всё же из Обители Сихэ.

Из чёрного тумана донёсся скрежет — звук почёсывания.

— Какую награду ты хочешь? — спросил Се Хунъи.

— Чёрный камень... — застенчиво ответила кукла. — Можно мне чёрный камень? Я хочу сыграть с принцем в го!

— Камень?

В изножье кровати стоял низкий столик. На деревянном подносе лежал лишь кусок белого шёлка, даже без разметки. На нём покоилось несколько белых камней. Никто бы не догадался, что это — шахматная партия.

Он играл белыми, а тенью создавал чёрные камни. Детская забава, не более.

Эта привычка сохранилась у него даже в Дворце Небесного Огня и Вечной Весны. Там не было даже доски — в бескрайней тьме он играл жемчугом и агатом, разбросанным по всей кровати.

Стук камней был монотонным, но становился всё быстрее и быстрее, успокаивая дух и оттачивая яд в его сердце, превращая его в клинок.

Просьба куклы о чёрном камне вызвала у него некоторый интерес. Он думал, что это просто дикая собака, которую он приручил, а оказалось, она давно затаилась.

Се Хунъи слегка изогнул губы и взял белый камень.

Рука была как у бодхисаттвы, и с белого камня начала капать чёрная тень, подобная росе из священной вазы.

Кукла замерла, её глаза следили за каждым движением, как у ребёнка, жаждущего сладостей. Она была готова разинуть рот и подставить руки, чтобы поймать его.

Белый камень был брошен. Кукла метнулась, чтобы его поймать.

Но камень тут же рассыпался, и мириады чёрных теней, острых, как железный песок, устремились ей в лицо. С такого расстояния они должны были превратить её в решето...

Смертельный удар... промахнулся.

Лицо Се Хунъи изменилось. Он опёрся рукой о столик.

Висящие в комнате фонари, отреагировав на его душевное смятение, начали быстро мигать.

Тихий, сладкий голос куклы раздался совсем рядом.

— Как я мог осмелиться показаться так просто? — со смехом сказала она. — Когда-то, чтобы научиться технике Переплавки Тени и сбежать, принц оторвал от себя кусочек тени и отдал его мне, чтобы я отнёс его во дворец Чанлю и показал картина́м. Я ещё не успел его вернуть. Столько лет я пробовал его на вкус, берёг, как зеницу ока. Принц, ты чувствуешь?

Кукла высунула алый язык и лизнула свою ладонь.

На щеке Се Хунъи тоже появилось влажное, отвратительное ощущение, и она слегка покраснела.

После снятия некоего запрета он обрёл чувствительность.

Как и сказала кукла, в её руках была его смертельная слабость.

Оторванная когда-то тень ещё не завершила переплавку. Она была невероятно чувствительной и нежной, как душа новорождённого младенца. Она плакала и рвалась к нему, но была поймана языком куклы, которая то и дело её облизывала.

— Вкус Небесной девы... — невнятно усмехнулась кукла. — Прохладный, как пирожное «Нефритовая шпилька».

В одно мгновение убийственная аура Се Хунъи достигла своего пика.

Голос куклы, окутанный чёрным туманом, доносился то издалека, то совсем близко.

— Что бы мне у тебя отнять с её помощью? Се Хунъи, почему ты не смотришь на меня? Смотри на меня!

С этими словами из глубин его души вырвалась острая боль, словно ему вырвали глаза.

Тьма!

Се Хунъи зажмурился, прижав руку ко лбу, но не мог унять бешеное дрожание век. Потерявшая цель тень, словно чёрный прилив, захлестнула всю комнату, и он не заметил, как кукла притаилась у его колен.

Кукла с нежностью разглядывала его, но вдруг оскалилась и повернула голову к двери.

Шаги.

Тяжёлое, давящее присутствие стремительно приближалось к спальне.

— Опять он, неотступный, как призрак. Давно пора было умереть! — мрачно прошипела кукла, но не сдвинулась с места. — Принц, то, что ты не хочешь мне дать, я возьму сам. Столько лет прошло, а я всё ещё помню... как маленький принц держал в зубах цветок.

Несмотря на приближающиеся шаги, она протянула руку, схватила белый камень и, наклонившись вперёд, попыталась засунуть его в рот Се Хунъи!

<http://bllate.org/book/16978/1590260>